

Сергей Кисляк:

«*ПЕРЕЗАГРУЗКА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ – ЭТО ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ВРЕДОНОСНЫХ ВИРУСОВ, МЕШАВШИХ НАШЕМУ ДИАЛОГУ*»

Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Соединенных Штатах Америки С.И. Кисляк – давний друг ПИР-Центра, автор нашего журнала. Однако обычно мы беседовали с ним на российской земле, в том числе и в его бытность заместителем министра иностранных дел России. В этот раз, однако, главный редактор журнала *Индекс Безопасности* В.А. Орлов и С.И. Кисляк встретились в Калифорнии, в Монтерее – *нераспространенческой* столице Соединенных Штатов, где российский посол выступил перед студентами и профессорско-преподавательским составом **Монтерейского института международных исследований и его Центра изучения проблем нераспространения (ЦИПН) им. Джеймса Мартина**. Вел дискуссию директор ЦИПН, член Совета ПИР-Центра Уильям Поттер. В преддверии дискуссии в беседе с В.А. Орловым и Уильямом Поттером С.И. Кисляк выразил пожелание об укреплении сотрудничества между ПИР-Центром и американскими научными центрами, прежде всего с ЦИПН.

С любезного разрешения Уильяма Поттера мы публикуем ниже фрагменты дискуссии, состоявшейся в Монтерее. Дискуссия, которая велась на английском языке, носила публичный характер и была открыта, в том числе и для СМИ. *Индекс Безопасности* осуществил запись дискуссии, а затем ее расшифровку и перевод наиболее интересных фрагментов на русский язык.

ПОТТЕР: Вашингтон и Москва говорят сегодня о политике *перезагрузки*. Каковы были основные проблемы в российско-американских отношениях в недавнем прошлом?

КИСЛЯК: Давайте вернемся чуть-чуть назад и посмотрим на то, как развивались российско-американские отношения всего год назад. Август 2008 г. Это было время, когда у нас были очень тяжелые отношения из-за ситуации вокруг Южной Осетии и грузинского вторжения туда. Нам пришлось вмешаться и осуществить операцию по принуждению к миру. И я должен сказать, что, по-моему, отношения тогда достигли самой нижней точки за весь период после окончания холодной войны. Просто потому, что США слепо следовали лишь своему восприятию событий на Кавказе, невзирая на реальные факты и не принимая во внимание то, что происходило на самом деле.

В то время в США продвигали идею изоляции России. Работа целого ряда дискуссионных площадок, на которых Россия и США работали вместе, была заморожена. Были отложены некоторые встречи в рамках *большой восьмерки*, по решению Вашингтона прекратил свою деятельность Совет Россия–НАТО (СРН). Это особенно печальный для меня факт, поскольку самая первая проверка на прочность показала, что Америка не заинтересована и не готова к диалогу с нами. Мы обратились в Совет Безопасности ООН, в другие институты, но их работа была просто парализована.

И это был момент истины для нас – он подтвердил, что нынешние институты и формат взаимоотношений необходимо менять, модернизировать, чтобы быть в состоянии решать серьезные вопросы в области безопасности, в том числе и в сфере европейской безопасности.

Нам необходима площадка, на которой мы могли бы встречаться и обсуждать различные темы. Это не означает обязательного, автоматического принятия российской позиции. Речь идет о диалоге. Мы должны дискутировать по поводу корней той или иной проблемы, и это поможет нам двигаться вперед. На таких встречах мы могли бы предоставлять друг другу больше конкретной информации о реальном положении дел.

ПОТТЕР: И какова же была природа *перезагрузки*?

КИСЛЯК: Когда президентом был избран Барак Обама, он предложил новую тональность для наших отношений. Затем была знаменитая речь вице-президента Джозефа Байдена в Мюнхене. И мы почувствовали, что основной сигнал, который посылает нам американская администрация, – это желание конструктивного сотрудничества. Мы с уважением восприняли такой подход, и поэтому встреча двух президентов в Лондоне в апреле 2009 г. прошла очень хорошо, это был разговор по существу. А потом состоялся и саммит в Москве в июле 2009 г.

Я хотел бы добавить, что сам термин *перезагрузка* – это порождение компьютерного мира. И все те из нас, кто постоянно пользуется компьютером, знают, что жесткая перезагрузка и даже переформатирование диска производятся для того, чтобы избавиться от старых вирусов. В противном случае все те же проблемы возникнут снова. И я полагаю, что встреча двух президентов в Москве была как раз идеальным временем для того, чтобы избавиться от вредоносных *вирусов* и начать строить новые отношения.

Мы стараемся развивать сотрудничество в тех сферах, в тех вопросах, где мнения наших лидеров совпадают.

ПОТТЕР: Президент Обама обозначил как-то, что миру нужна сильная, мирная и процветающая Россия. С другой стороны, в конце июля этого года вице-президент Джозеф Байден выступил совсем с иным посылом в интервью газете *The Wall Street Journal*. Он намекнул, что тяжелая экономическая ситуация заставит Москву быть более сговорчивой по отношению к Западу по целому ряду вопросов национальной безопасности. Как в России восприняли эти противоречивые сигналы?

КИСЛЯК: Я думаю, что, прежде всего, мы имеем дело все-таки с той политикой, которую проводит президент Обама. Он сегодня ведет диалог с Москвой в очень благожелательном тоне, имеет свое видение российско-американских отношений и их дальнейшего развития. Мы воспринимаем эти намерения всерьез – это для нас и есть отражение американской политики. Конечно, часто приходится слышать о разных *нюансах* в оценке России и перспектив отношений с Россией. Это понятно. Просто хорошие новости продать труднее, поэтому кому-то приходится концентрироваться на плохих новостях. Мир таков, что всегда можно найти какие-то неприятные известия или моменты.

Мы понимаем, что изменение отношения США к России не произойдет за один день. Это же справедливо и в отношении нашего восприятия Америки. Так что это будет не легкий процесс. Но мы должны работать над теми проблемами, решение которых нас бы объединило, работать как партнеры. И это лучший способ добиться нормальных отношений.

Есть вещи, которые касаются всех на планете – терроризм, экономическая нестабильность, бедность, изменение климата и многое другое. Список очень длинный. И есть вещи, которые нас разъединяют – расширение НАТО, размещение ПРО около наших границ... Но борьба с терроризмом и с другими сложными проблемами гораздо важнее для России и США, с точки зрения долгосрочных интересов обеих сторон. И это дает нам прекрасный шанс поработать над этими темами и даже, в конце концов, определить, чего можно добиться в наших отношениях, а чего достичь невозможно.

Одна из уникальных сфер, в которой мы с Соединенными Штатами и Европой работали и работаем, причем даже в самые сложные периоды холодной войны, это нераспространение. Взлеты и падения в наших политических взаимоотношениях не сказывались на нашей совместной деятельности в этой области. Я думаю, что это живое доказательство того, что есть важные вопросы безопасности, по которым совпадают долгосрочные стратегические интересы России и США. Нам пришлось научиться сотрудничать. Это не значит, что у нас не было разногласий по поводу наиболее эффективных способов достижения тех целей, которые мы разделяли. Но в то же время мы никогда не прерывали коммуникаций, диалога по этой проблематике. Даже во время кризисов, которые мы успешно пережили. Это то, что нужно сохранить и преумножить в будущем.

ПОТТЕР: Теперь давайте поговорим о вопросах контроля над ядерными вооружениями, в частности о переговорах по договору, который заменит СНВ-1. Срок действия последнего истекает 5 декабря 2009 г. Будет интересно услышать Вашу точку зрения, прежде всего, о перспективах заключения соглашения к 5 декабря.

КИСЛЯК: Это очень сложная задача, поскольку СНВ-1 затрагивает фундаментальные вопросы безопасности в отношениях России и США. Когда закончится срок действия нынешнего соглашения, это будет означать, что 6 декабря уже не будет никаких ограничений, никаких правил в сфере стратегических вооружений. И это касается всех видов стратегических вооружений, не только оборонительных. Потому что, я напомню, Соединенные Штаты вышли из Договора по ПРО – одного из тех двух соглашений, которое закладывало основы предсказуемости. Это был односторонний шаг, на который пошла администрация Буша в самом начале своей работы. Теперь единственное, что у нас остается, – это СНВ-1. Это договор доказал, что он эффективен, и обе стороны считают его исполнение успешным. Поэтому если мы лишимся его 6 декабря, каждое из государств сможет делать все, что захочет, для развития своих возможностей в сфере стратегических вооружений.

Нам кажется, что СНВ-1 был важным инструментом стабильности и предсказуемости. И вести новые переговоры достаточно сложно. Каждая мелочь, как это кажется нам, переговорщикам, нашим генеральным штабам представляется целым испытанием, серьезной уступкой. Поэтому частью задачи является вычленение для обсуждения всех разумных и важных вещей – и это дополнительная нагрузка для переговорщиков.

В то же время это не тот договор, который мы будем писать с чистого листа. Все то, что мы уже разработали – с точки зрения процедур уничтожения оружия, инспекций и т.п., – все это уже было многократно проверено в деле. И в какой-то степени мы выработали культуру взаимодействия при выполнении СНВ-1.

В США есть целая инфраструктура, которая работала над выполнением этого соглашения. У нас в России тоже есть такие структуры и механизмы. И они работают гораздо лучше сейчас, чем 10 лет назад. Это тоже важная веха для переговорщиков. Потому что есть вещи, которые они не могли сделать тогда, но добиться которых сегодня гораздо проще. Иногда даже не надо заново изобретать велосипед. Можно просто воспользоваться опытом переговоров по прежнему договору и применить его в наше время. Тем не менее, самая большая проблема – это определить наши роли и направление движения. И в этом вопросе мы пока полной ясности не получили, это может стать вызовом для нас. Кроме того, нам необходимо установить предельные размеры численности по боезарядам и ограничения по средствам доставки.

Стратегическая цель США сильно отличается от нашей. У нас асимметрия в потенциалах, но обе стороны хотят достичь равного чувства безопасности. Я не говорю о паритете, я говорю о равной безопасности.

ПОТТЕР: Перейдем к вопросам тактического ядерного оружия. Администрация Барака Обамы, похоже, гораздо более внимательно относится к аргументу о том, что нестратегические ядерные силы (ТЯО) должны быть выведены из Европы, а также о том, что ТЯО должны стать одним из ключевых вопросов российско-американского диалога по контролю над вооружениями. Насколько перспективны такие инициативы? И если нет, то по-

чему? При каких обстоятельствах Россия могла подумать о сокращении, а в конечном итоге, и уничтожении всего своего арсенала ТЯО?

КИСЛЯК: Прежде всего, что касается позиции американской администрации, то лучше, наверное, спросить у моих коллег из госдепа. Пока мы видим, что один из компонентов ядерных сил США по-прежнему находится в Европе. И мы предлагали переместить все ядерное оружие на национальные территории, то есть собственно в те государства, которым оно и принадлежит. У России нет ядерного оружия за пределами ее территории.

Что касается переговоров по ТЯО, Ваш вопрос слишком конкретно поставлен, чтобы можно было на него ответить прямо сейчас. Трудно сказать, по каким вопросам мы будем вести переговоры. Прежде всего, если говорить в общем, наши президенты выдвинули идею сокращения ядерных арсеналов.

Они понимают, что достичь этой цели можно только через реализацию многих других вещей. Нам нужно быть уверенными в том, что, пока крупные ядерные государства будут сокращать ядерное оружие, другие страны тоже не будут стоять в стороне, что, пока мы будем уничтожать ядерное оружие, другие страны не будут распространять его в новых регионах. Прежде всего, важно показать, что мы все встроены в процесс. И потом можно двигаться дальше, работать в этом направлении. Так что и ТЯО мы обязательно охватим, просто по определению.

Мы сегодня не обсуждаем ТЯО в связке с СНВ просто потому, что это сегодня было бы непродуктивным. В будущем мы не исключаем такой возможности, но нам надо понимать, в чем состоят реальные проблемы для России. А это, главным образом, непредсказуемость нынешней ситуации. Недавние события – в Косово или в Южной Осетии – показали, что войны в Европе по-прежнему возможны.

Мы видим, что есть альянс, который по природе своей является военным блоком, который действует вне зоны своей традиционной ответственности. И этот альянс показал, что он может применять военную силу. Конечно, мы говорим о дисбалансе в Европе. У всех нас на Европейском континенте должно появиться чувство безопасности. До тех пор, пока мы такого состояния не достигли, ядерное оружие будет по-прежнему восприниматься в качестве важного сдерживающего фактора.

ПОТТЕР: Означает ли это, что вопрос ТЯО будет как-то увязан с развитием ситуации вокруг Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ)?

КИСЛЯК: Нам надо работать над дисбалансом сил в регионе. Но до сих пор у нас не получалось добиться вступления в силу адаптированного ДОВСЕ. Этот договор очень важен для нас. Возможно, не все осознают, что – по крайней мере, если судить по тексту этого договора, – мы по-прежнему живем в обстановке времен холодной войны, когда устаревший договор все еще регулирует политику в отношении обычных вооружений между двумя военными блоками. Один из которых, на минутку, уже не существует – я говорю о Варшавском договоре.

Поэтому мы настаиваем на обсуждении этой темы, принимая во внимание нынешнюю ситуацию, когда нет военных блоков. Такой новый подход давал бы большие гарантии безопасности не только членам альянса, но и всем государствам региона.

Мы провели переговоры по договору, но он так и не вступил в силу, ибо ратифицировали его лишь Россия, Беларусь, Казахстан и Украина. И ни одной страны больше! У нас нет действующего договора – и это проблема! У нас нет предсказуемой и надежной основы для контроля над обычными вооружениями в Европе в долгосрочной перспективе. И остается много вопросов по поводу того, что же произойдет, если отношения на континенте вдруг изменятся.

Я лишь даю понять, что вопросы обычных вооружений в Европе важны сами по себе, и без увязок. И создавая предсказуемую обстановку в сфере обычных вооружений и безопасности, мы облегчим дальнейшее продвижение по другим направлениям.

ПОТТЕР: Поскольку уж мы заговорили о вопросах региональной безопасности, какова Ваша оценка нынешнего состояния ядерной программы Ирана?

КИСЛЯК: Программа достаточно любопытная сама по себе. Иран запустил ее после того, как его годами увещевали сделать это Соединенные Штаты. Вашингтон объяснял прежнему иранскому режиму, шахскому, что необходимо иметь энергетический потенциал, как минимум, в 20 ГВт. Говорилось, что США помогут Ирану в разработке такой ядерной программы – включая и мощности по обогащению урана! – при условии, что они будут возведены внешними операторами.

Затем в Иране произошла смена режима. Изменилось и отношение США – с этого момента они начали утверждать, что у Ирана достаточно нефти и газа для удовлетворения всех потребностей в электроэнергии, что никакая атомная энергия стране не нужна.

У иранцев, тем не менее, осталось намерение продолжать программу – в конце концов, Германия к тому времени уже заложила им инфраструктуру для атомного сектора. И тогда они пришли к нам. Мы подумали: страна соблюдает ДНЯО и намерена реализовать вполне законно программу по развитию атомной энергии.

В то же время за годы войны с Ираком Тегеран пришел к мысли, что стоит приглядеться и к программе по обогащению урана. И делали они это в манере недостаточно прозрачной для международного сообщества, недостаточно прозрачной для МАГАТЭ. С политической точки зрения, это был не самый лучший способ реализации такой чувствительной для всех программы. В какой-то момент в программе по обогащению произошли некоторые изменения. И с этого времени у нас начались очень трудные переговоры, обсуждения, резолюции МАГАТЭ, Совбеза и т.п.

ПОТТЕР: Как бы Вы прокомментировали эти изменения?

КИСЛЯК: Проблема в том, что Иран развивает мощности по обогащению, традиционно используемые в мирной атомной энергетике, хотя, конечно, если они решат, то могут применить их и для военных целей.

У Ирана есть возможность обогащать даже больше, чем они делают сейчас. И обогащение идет на уровне 2–4%, как это и необходимо для атомных реакторов. Мы понимаем это. И я думаю, что все разделяют это мнение – каждый грамм этого обогащенного урана учитывается МАГАТЭ. Реализация иранской программы пока не привела к появлению у страны ядерного оружия. И я полагаю, что до тех пор, пока МАГАТЭ будет в Иране, уран не будет использоваться для создания оружейного материала.

Проблемы могут возникнуть, если произойдет отклонение от этих принципов. Пока же ни у кого из нас нет доказательств такой деятельности. Поэтому все дело в отсутствии уверенности о природе этой программы, в ее восприятии, в отсутствии веры в то, что иранцы раскрыли все карты.

Иногда возникают вопросы о намерениях иранского правительства, о том, как оно распорядится этим обогащенным потенциалом. Сейчас все делается в законных рамках, в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). И есть, кстати, некоторые страны – члены ДНЯО, не обладающие ядерным оружием, но имеющие схожие амбициозные программы – те же Япония или Бразилия, некоторые государства Европы и Азии.

Поэтому нет ничего особенно уникального в наличии обогащенных установок у Ирана. Разница лишь в том, что с экономической точки зрения не так уж и просто оправдать наличие таких мощностей при отсутствии продвинутой программы атомной электрогенерации. До сих пор у Ирана не было ни одной работающей атомной электростанции. *Бушер* должен стать первым проектом такого рода. Но для *Бушера* Россия поставляет ядерное топливо на первом этапе и на всех последующих. Поэтому урана и так хватит.

Так что все дискуссии о создании Тегераном ядерного оружия основываются на оценке возможностей. Тех возможностей, которые они по факту создают. Тех возможностей, которые могут оказывать влияние на их намерения в будущем. Из этого и родился поч-

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

ти стереотип о том, что Иран разрабатывает ядерное оружие или уже сделал это. Но это домыслы, это не факты.

Есть много неясных моментов, касающихся иранской программы. Они были озвучены МАГАТЭ. Агентство по поручению мирового сообщества осуществляет контроль над программой Тегерана. И надо честно сказать, что не всегда иранцы соблюдают предъявляемые к ним требования Агентства на 100%. Есть еще вещи, которые предстоит решить и МАГАТЭ, и Совбезу ООН прежде, чем мы скажем, что вопрос исчерпан. И это будет непростая задача.

ПОТТЕР: Что, на Ваш взгляд, необходимо сделать Ирану и международному сообществу для разрешения кризиса?

КИСЛЯК: Я думаю, что наилучшим решением вопроса было бы политическое решение. Это означает дипломатические усилия и переговоры. У нас есть механизм вовлечения Ирана – это *шестерка*. Более того, мы видим некоторые перемены в позиции США после прихода новой администрации, видим желание вести переговоры.

Предложение *шестерки* – это хороший базис, поскольку оно содержит широкий спектр договоренностей для Ирана. Речь идет не только о вполне законных (в том числе, с точки зрения морали) способах развития атомной энергетики в Иране, но и о многих других вещах, в частности передаче мирных технологий и для других отраслей.

Мы уверены, что если Иран выберет путь переговоров, поддержит предложение *шестерки* и разовьет его до формата конкретного соглашения со всеми нами, то это будет более выгодно для страны, чем любая программа обогащения урана, какую бы Тегеран ни решил развивать в будущем.

ПОТТЕР: Еще один очень актуальный для США вопрос – это Афганистан. Учитывая трудный опыт СССР в Афганистане в 1970–1980-е гг., что могло бы быть полезно для Америки сегодня? Какие уроки, которые извлекла Москва, необходимо выучить и Вашингтону?

КИСЛЯК: Для нас это было тяжело. Да и вообще Афганистан – это сложно. И это будет сложно для Соединенных Штатов. Это первый урок. Второй урок – США должны работать над формированием в Афганистане собственного барьера для террористов. Такой барьер должен быть создан из самых первых ростков нормальной экономики. Нормальная экономика пока в Афганистане отсутствует. Это создает питательную почву для появления террористов. Опора на урожай опиумного мака – результат отсутствия альтернативы для крестьян. У них нет ни других культур, ни даже нормальных систем ирригации. И это очень большая проблема для нас и для других стран, прилегающих к региону.

Борьба с терроризмом должна сопровождаться построением гражданского общества и созданием нормальной власти в стране. И это будет долгий процесс.

Что касается России, то мы пытаемся помогать. И не только через обмен опытом – это важно, но только этого было бы сейчас недостаточно. Мы поддерживаем усилия, направленные на то, чтобы дать жителям Афганистана возможность управлять своей страной. Мы также решили содействовать вооруженным силам США, разрешив транзит грузов и личного состава через территорию России.

Это было непростое решение, но мы решили, что и Россия может помочь в осуществлении задач США в регионе. Мы будем помогать и дальше самыми разными способами, за исключением направления воинского контингента в Афганистан. Это мы уже проходили.